

В шутку или всерьез?

Искр. правдог. - 1994. - Завб. - с. 8.

Почти каждый сегодняшний разговор о состоянии дел в наших театрах, кинематографии, изобразительном искусстве, литературе приходится начинать со слов «в прежние времена»... И это вполне закономерно. Ибо в «прежние времена» в области искусства, по крайней мере, все было настолько стабильно, беспеременно из года в год, из десятилетия в десятилетие, что итоги театрального сезона, к примеру, можно было подводить по единой, раз и навсегда установленной четкой схеме, подставляя только каждый год новые названия в соответствующую графу. А главным критерием было количество советских пьес, поставленных тем или иным театральным коллективом. Чем больше советских премьер - тем выше оценка работы театра, и как награда за примерное поведение - милостивое разрешение высокого начальства поставить «для души» либо классику, либо современную западную пьесу. Сегодня все наоборот.

Закончился сезон 1993/94 г. Премьер было - не счастье. Но «советских», то бишь современных, сегодняшних пьес отечественных авторов, - раз, два и обчелся. Кругом - сплошная классика, русская и зарубежная. Напрочь забыты даже самые лучшие драматурги советского периода, в чьих произведениях еще недавно критики находили продолжение и развитие традиций Чехова и Островского, Гоголя и даже Грибоедова. Из «нынешних» еще время от времени возникает то там, то тут плодовитый Николай Коляда, а уж про «советских» и говорить не приходится: их как будто бы и не было вовсе. Лишь редкий театр отваживается поставить что-нибудь этакое, из «советского» наследия.

А ведь интересно, оказывается, посмотреть с позиций нынешних на то, что было нашей повседневностью двадцать, тридцать лет назад, что воспринималось нами тогда вполне серьезно, было наши-

ми «правилами игры», то есть жизни.

Две таких пьесы поставил под конец прошедшего сезона Театр на Малой Бронной «Полонез Огинского» Н.Коляды в режиссуре Льва Дурова и оформлении Николая Эпова и «Мое загляденье» Алексея Арбузова, на которое отважился режиссер Артем Хряков в купе с художником Ириной Акимовой. Оба этих спектакля, как еще не утратившие своей премьерной свежести, стоят на афише театра в открытии сезона нового.

Разные пьесы, разные спектакли, и авторы пьес принадлежат к разным поколениям, но, сойдясь на одной сцене, они вдруг зазвучали в унисон, являя неприкрытую абсурдность недавнего советского бытия. Впрочем, через два, три поколения наше сегодняшнее существование покажется потомкам, возможно, еще более абсурдным. И они, наверное, будут правы. А пока, вглядываясь, словно в зеркало, в пространство сцены, мы с горькой иронией узнаем самих себя в этих полукarikатурных фигурах. И ведь ничего из ряда вон выходящего не напридумывали режиссеры, чтобы высмеять героев спектаклей.

Только чуть-чуть дали волю актерам акцентировать странноватые, смешные черточки характеров своих персонажей.

Арбузов в свое время высказал пожелание, чтобы его пьесы играли «очень воодушевленно». Схитрил, по-моему, советский классик, уже тогда заглядывая в будущее. А Хряков именно так, «воодушевленно», и поставил спектакль. Результат получился ошеломительный. Правит бал здесь «голова из ящика» (придумка режиссера) - живой актер (Константин Кравинский), изображающий популярного теледиктора Сергея Сергеевича, который без перерыва бубнит последние новости, высунувшись из коробки телевизора. А его, словно замороженный, слушает, не отрываясь, Аким Листиков, отец главного героя (Николай Серебренников), готовый жизнь строить по рекомендациям ТВ. Ну точь-в-точь как наши акционеры «МММ» вослед за Леной Глубковым.

У арбузовских героев все лексика, все чувства - лозунги, трибунные. Слушаешь - смешно и страшно становится, а ведь все точно по нашей жизни, как было, да и как сегодня еще продолжается. Мы же все из этой «совковости»

вышли, на ней выросли и никуда от нее нам еще годы и годы не деться. Потому, похоже, и не игралось никогда раньше «Мое загляденье», что уж очень явной была в этой пьесе горькая авторская ирония, хотя по жанру Арбузов определил ее как «оптимистическую комедию».

У Н.Коляды в «Полонезе Огинского», как, впрочем, во всех его пьесах, чувства, ситуации обострены до предела, трагическое оборачивается гротеском, лирика переходит в шутовство. На этой грани, балансируя, как эквилибрист на канате, играет американскую пришлицу Таню Екатерина Дурова. После двенадцати лет отсутствия приехала Татьяна на родное пепелище - в родительскую квартиру, превращенную в обычную советскую коммуналку прежней обслугой ее отца дипломата: холуйская психология приходит в столкновение со взглядами и поведением человека свободного мира. Конечно же, она не останется здесь, эта русская американка. Но как же ей, отвыкнувшей в своем прекрасном далеке от «прелестей» советских реалий, вновь погрузиться в этот кошмарный мир. И мы, тоже начавшие привыкать к свободе, смотрим на сцену почти ее глазами. Господи, да ведь это же настоящий театр абсурда! Только творимый в жизни.

Так что, в шутку или всерьез писал свое «Загляденье» Алексей Арбузов? Вспоминали ли отцов абсурдизма Ионеско и Беккета Николай Коляда, когда фантазировал «Полонез Огинского»? Не все ли равно. Важно, как зазвучали эти пьесы сегодня, как помогают критически взглянуть на свое недавнее прошлое. И дай Бог, чтобы этот опыт пригодился на завтра.

Наталья БАЛАШОВА.

На снимке: Е.Дурова (Таня) и А.Макаров (Дэвид) в «Полонезе Огинского». Фото О.ЯКОВЛЕВОЙ.

